

Два «мая 1968-го» в психиатрии¹

Жан-Кристоф Коффен — член Института истории современности; ассоциированный исследователь, центр Александра Койре; старший преподаватель истории детской психиатрии и специального образования департамента педагогических наук, Университет Париж 8; 93210, Франция, Париж. E-mail: jean-christophe.coffin@cnr.fr

ORCID: 0000-0002-5281-4503

Пер. с фр. Бельчиковой Анны

Ключевые слова: психиатрия, Франция, Италия, Франко Базалья, Анри Эя

В данной статье рассматривается, каким образом критика, адресованная психиатрии, получила новое развитие после событий мая 1968 года. Цель заключалась в том, чтобы оценить, насколько момент, ставший столь значимым в нашем представлении, вписывается в историю критического переосмысления (*contestation*²) психиатрии, хронология которой отличается от хронологии событий исключительно политических. В работе рассматриваются позиции двух психиатров — итальянца Франко Базалья и француза Анри Эя; их профессиональные траектории и взгляды различались, но оба они занимались вопросами психиатрической власти, медиализации³ (*médicalisation*) и социальной нормализации поведения — то есть темами, которые широко обсуждались в период, последовавший за протестными движениями конца 1960-х годов.

¹ Перевод выполнен по изданию: Coffin J.-C. Les deux «68» de la psychiatrie // Revue d'histoire des sciences humaines. — 2015. — No. 26. — Pp. 115–134. — DOI: 10.4000/rhsh.2237.

² Понятие *contestation* имеет широкий семантический ряд и в тексте переводится дифференцированно: в значении массовых социальных или профессиональных движений — как «протест» или «протестное движение»; в контексте работы с нормами, знаниями и практиками — как «критическое переосмысление» или «критика»; при обозначении направленного акта постановки под вопрос конкретных понятий — как «оспаривание», «отрицание», «подвергание сомнению». — *Прим. пер.*

³ Медиализация — процесс расширения сферы медицинского воздействия, при котором всё больше человеческих состояний, моделей поведения или социальных проблем начинают рассматриваться, определяться и регулироваться с медицинской точки зрения. — *Прим. пер.*

Если философ Жиль Делёз при поддержке своего коллеги-психиатра Феликса Гваттари мог утверждать, что событие не по вкусу историку, то можно задаться вопросом, в какой мере политическое и социальное событие и шире — контексты и их последствия — включаются психиатрами в построение их собственного нарратива⁴: будь то нарратив, сформированный нейропсихиатрами, или тот, который формируют сегодня нейробиологи. Подход, построенный на основе гуманитарных и социальных наук, предполагает особое внимание к этому контексту и его влиянию на действующих лиц, однако задача не всегда оказывается простой и не лишена рисков. Оценка значимости событий — в данном случае событий, связанных с 1968 годом, — представляет собой определенный вызов, и если вопрос «Как этот период повлиял на психиатрию?» кажется очевидным, ответ на него может оказаться более проблематичным⁵. Эти события нелегко интерпретировать, и поиск их смысла, последствий и наследия способен нарушить спокойный ход «непредвзятого» исследования. Обращение к прошлому, происходившее прежде всего по случаю годовщин и памятных дат, часто осуществлялось в условиях значительного давления и отдаляло нас от фактического хода событий. Процесс рационализации *a posteriori*, возникший в связи с этим периодом, представляет собой, среди прочего, вызов, с которым столкнулись мы и на который указывает современная историография⁶. Психиатрия, как и многие другие области, оказалась погружена в дискурс, где прошлое оценивают прежде всего с точки зрения сегодняшних норм и при этом выносят всё более категоричные суждения. Возникновение в 1960-е мощной волны, названной «антипсихиатрией», лишь подогрело эту интерпретативную лихорадку, так что эти годы и последующее десятилетие в ретроспективе выглядят довольно искаженными и ослабленными. Я не намерен непосредственно и в общем виде разбирать вопрос о 68-м и психиатрии, но хочу проследить, как этот период отразился на жизненном пути двух интеллектуалов, ставших его свидетелями. Такой подход позволяет перейти к иному масштабу рассмотрения событий, проследить траектории судеб тех,

⁴ Делёз Ж. Мая 68-го не было. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — С. 69–74.

⁵ Для нас чрезвычайно ценной является книга: de Certeau M. La prise de parole. Pour une nouvelle culture. — Paris: Desclée de Brouwer, 1968. («Взятие речи» — *Прим. пер.*)

⁶ Vigna X., Zancarini-Fournel M. Les rencontres improbables dans les «années 68» // Vingtième Siècle. — 2009. — No. 101. — Pp. 163–177. — DOI: 10.3917/ving.101.0163; Loyer E. Mai 68 // Dictionnaire d'histoire culturelle de la France contemporaine. — Paris: Presses Universitaires de France, 2010. — P. 505; Tranfaglia N. Prefazione // Marino G. C. Biografia del Sessantotto. — Milan: Bompiani, 2008. — Pp. IV–V.

кто столкнулся с майским движением, а также способы включения этого события в профессиональный путь (либо отдаления от него)⁷, и вместе с тем уловить более тихие, но не менее глубокие переплетения критического переосмысления и разнообразных форм проблематизации⁸. Наряду с тем, чтобы уделить внимание позициям и точкам зрения отдельных лиц, я рассмотрю границу действия психиатрической дисциплины в том виде, в каком она определена или даже переопределена в контексте критического пересмотра норм и знаний. Мой интерес, как нетрудно заметить, обращен к одной медицинской специальности — психиатрии, принадлежность которой к наукам о жизни ставилась под сомнение многими ее представителями. Это касается и ее связи с философией и гуманитарными науками, рассматривавшейся то как возможная, то как необходимая, то как лишенная смысла. Именно конец 1960-х годов служит наиболее показательным примером того, как эти вопросы были поставлены. Действительно, именно с этого момента в истории XX века психиатрия подверглась серьезному пересмотру, критике — и даже сама ее легитимность была поставлена под сомнение. В частности, пересматривалась ее политическая функция, а также широкое обращение к нормам, сконструированным психиатрическим знанием. Эти дискуссии распространялись в профессиональной среде психиатров и со временем превратились в полноценное поле исследований для социологов, а также ряда философов⁹.

Для иллюстрации моего замысла я обращусь к двум фигурам: французскому психиатру Анри Эю (1900–1977) и итальянцу Франко Базалья (1924–1980). Это два психиатра из стран, где молодежь и рабочие поддержали протесты и дух «мая 68», и для которых социальные и политические последствия событий конца 60-х имели действительно большое значение¹⁰. Два психиатра, которые, помимо

⁷ L'Altro sessantotto. Ventunesimo secolo. — 2010. — No. 22.

⁸ Д. Линденберг придает решающую роль некоторым течениям, уже существовавшим до 1968 года во французской психиатрии, в объяснении произошедших изменений, и задается вопросом о том, в какой мере «громкие» высказывания непременно оказываются самыми действенными (Lindenberg D. Une autre préhistoire de Mai 68 // *Esprit*. — 2008. — No. 344. — Pp. 94–100. — DOI: 10.3917/espri.0805.0094).

⁹ Я не стремлюсь утверждать, что развитие гуманитарных наук и социальной философии напрямую способствовало политической радикализации, поскольку эта идея выходит за рамки данной статьи и заслуживает отдельного изучения. По вопросу. См.: *Esprit*. Théories, concepts et politique, avant et après 1968. — 2008 (May). — No. 344. — Pp. 131–166.

¹⁰ Мы не будем проводить точное сравнительное исследование, поскольку это не является моей задачей. Будем иметь в виду, что между двумя странами вырисовывается несколько общих черт.

очевидной уникальности их траекторий, оставили заметный след в соответствующем профессиональном сообществе благодаря своим решениям и взглядам, и их известность вышла далеко за пределы родных стран. Это два психиатра разных поколений, но ни одного из них нельзя отнести к поколению бэби-бумеров, которое принято считать основным носителем протестной и бунтарской энергии тех лет. Два психиатра, на которых оказала влияние феноменология и которые порой разделяли схожие устремления — например, в отношении реформы своей профессии. Они переживали схожие события, находясь в разных социальных и политических условиях, и их, как кажется, во многом противопоставляют друг другу, особенно в памяти психиатров, прежде всего французских. Наконец, это два психиатра, которые уже были профессионально активны и до, и после 1968 года, что, таким образом, позволяет нам рассматривать наш предмет в более широких временных рамках, выходящих за пределы строгой хронологии событий, начавшихся в Италии в 1967 году и после французского мая разгоревшихся с новой силой во время итальянской «горячей осени» 1969 года¹¹.

Дискуссии внутри французской и итальянской психиатрии

Накануне 1968-го года Эй был главным врачом психиатрической больницы в регионе Бос, где он провел почти всю свою профессиональную жизнь, и к этому моменту его карьера уже близилась к завершению. Он был известен как инициатор многочисленных коллоквиумов в Бонневале¹², коммуне, к которой относилась его больница, и на протяжении многих лет вел семинар в больнице Святой Анны в Париже, куда стремились интерны и молодые психиатры, а также внес вклад в «*Manuel de psychiatrie*» («*Руководство по психиатрии*»), которое усердно

¹¹ Я рассматриваю студенческие захваты различных факультетов как момент возникновения «духа мая» в Италии 1967 года — выбор, подтвержденный исследователями, занимающимися изучением протестных движений и событиям «мая-68».

¹² Знаменитые коллоквиумы в Бонневале проходили с начала 1940-х до 1960 года. На них съезжались французские психиатры, неврологи, психоаналитики и философы, образуя интеллектуальную междисциплинарную сеть. Первые встречи состоялись в годы оккупации, их материалы не были опубликованы. В последующие годы прошли коллоквиумы: «Проблема психогенеза неврозов и психозов» («*Le problème de la psychogenèse des névroses et des psychoses*», 1946), «Наследственность» («*L'hérédité*», 1950), «Шизофрения» («*La schizophrénie*», 1957) и «Бессознательное» («*L'inconscient*», 1960). Обсуждения стенографировались, а тексты позднее выходили отдельными изданиями. — *Прим. пер.*

изучали те же интерны и некоторые другие специалисты¹³. Под его научной редакцией вышел «*Traité de psychiatrie*» («Трактат по психиатрии») в Медико-хирургической энциклопедии. К тому же он был главным редактором журнала «*L'Évolution psychiatrique*»¹⁴ («Психиатрическая эволюция»), одного из самых авторитетных изданий франкоязычного мира. Таким образом, Анри Эй был ведущей фигурой не только французской, но и зарубежной психиатрии: более десяти лет он входил в число организаторов всемирных конгрессов по психиатрии. Однако его роль за пределами профессионального сообщества оставалась весьма скромной.

Франко Базалья тоже был главным врачом психиатрической больницы, но в Гориции, коммуне Фриули, беспокойной местности, находящейся на границе с Югославией. С момента своего прибытия в 1961 году Базалья ощущал в Гориции определенную изоляцию. Подобно Анри Эю, он не хотел быть ограничен рамками одной психиатрической больницы. Для этого врача, обладающего, как и Анри Эй, выраженной интеллектуальной страстью, больничная карьера сама по себе оказывается недостаточной. Ему чуть больше сорока лет, и, несмотря на публикации в медицинских журналах и участие в международных психиатрических конгрессах, он вовсе не пользуется среди коллег такой известностью, как Эй. Однако в 1960-е годы Базалья сблизился со своим профессиональным окружением, внутри которого всё чаще возникают дискуссии о способах предоставления помощи (*prise en charge*) душевнобольным.

С начала 1960-х годов французский закон, регулирующий помещение граждан в психиатрические больницы, становится предметом многочисленных дискуссий, в которых принимает участие Анри Эй. Он был соавтором статей по поводу данного закона, изменения которого обсуждались на протяжении нескольких десятилетий. В 1967 году Анри Эй вместе с коллегами публикует в одном из ведущих медицинских журналов статью, ставящую под вопрос целесообразность этого закона, действовавшего с 1838 года¹⁵, и в конце концов они

¹³ Ey H., Bernard P., Brisset C. Manuel de psychiatrie. — Paris: Masson, 1960.

¹⁴ Группа «*L'Évolution psychiatrique*» была основана в 1924 году, журнал — в 1925-м. Среди членов редакционного совета — Рене Алленди, Адриен Борель, Одэт и Анри Коде, Анжело Энар, Рене Лафорг, Франсуаза Минковска, Эжен Минковский, Эдуар Пишон, Жильбер Робен и Поль Шифф; из них Лафорг, Пишон, Борель и Алленди одновременно состояли в Парижском психоаналитическом обществе (*Société psychanalytique de Paris*, SPP). — *Прим. пер.*

¹⁵ Закон от 30 июня 1838 года о душевнобольных (*Loi du 30 juin 1838 sur les aliénés*), был принят еще при Июльской монархии. Он регулировал порядок принудительного и добровольного помещения лиц с психическими расстройствами в специальные лечебницы (*asile*). Закон

выступают за его отмену¹⁶. Обсуждение закона является лишь одним из аспектов более широкой дискуссии, которая с 1965 года объединяет значительную часть французских психиатров и приводит к публикации «*Livre blanc de la psychiatrie française*» («Белой книги французской психиатрии»), состоящей из трех больших томов, соответствующих трем заседаниям, прошедшим соответственно в 1965, 1966 и 1967 годах. Эти заседания стали поводом для множества встреч и обсуждения разных тем. Много говорилось о «секторе»¹⁷ — слове, которое тогда приобретало всё большее значение в профессиональном языке психиатров и означало новый способ организации, к которому должна была перейти государственная психиатрия, стремящаяся одновременно обеспечить равный доступ населения к медицинскому обслуживанию и обновить способы предоставления помощи пациентам. Некоторые даже надеялись на преодоление (*dépassement*) больничных структур, поскольку они, по их мнению, всё еще ассоциируются с моделью «лечебницы» (*asilaire*¹⁸), которая должна была бы остаться в прошлом. Анри Эй выступал за отказ от госпиталоцентризма (*hospitalocentrisme*), доминирующего в то время, а также подчеркивал важность получения государственных средств для начала и укрепления реформы психиатрии. Он вновь напомнил о себе представителям государственных органов, к которым имел доступ. Он также призывал к институциональному отделению неврологии от психиатрии, чтобы последняя могла получить статус полноценной университетской дисциплины; это была личная борьба, в которую Анри Эй был вовлечен на протяжении нескольких десятилетий и которая иногда воспринимается только как отстаивание интересов профессиональной группы, но

устанавливал двойную систему контроля: требовалось и медицинское заключение, и административное решения префекта; то есть управление больницей и надзор за пациентами находились под контролем государственных властей. — *Прим. пер.*

¹⁶ Ey H., Sivadon P., Bonnafé L. Faut-il «réformer» la loi de 1838? // *Le Concours médical*. — 1967 (janvier). — P. 537. Статья выходит в рубрике под названием «*Chronique des sciences de l'homme*» («Хроника наук о человеке» — *Прим. пер.*)

¹⁷ В психиатрии Франции «сектор» обозначает территориальный принцип организации помощи: каждая зона отвечает за оказание комплексных услуг в области психического здоровья своему населению. Этот подход заменил модель изолированных учреждений XIX века, сделав акцент на лечении по месту жительства и развитии амбулаторной помощи. — *Прим. пер.*

¹⁸ Слово *asilaire* — прилагательное от существительного *asile* («убежище», «приют»), которое также обозначало психиатрическую лечебницу старого типа, где преобладали дисциплинарность и изоляция, а не собственно медицинское лечение. Именно против такой модели впоследствии выступали реформаторы психиатрии, выдвигая проекты преобразований и переход от закрытого приюта к «открытой» системе помощи в сообществе.

которую тем не менее нельзя сводить лишь к этому аспекту. Действительно, данная цель в значительной степени отражает концепцию Анри Эя о «психическом факте» и его представления о психиатрии: безусловно, это медицинская наука, но наука о психических заболеваниях, которые нельзя путать с нервными болезнями и, *stricto sensu*, с заболеваниями мозга. Его требование дисциплинарной автономии психиатрии — это не просто борьба за статус, а выражение твердых убеждений в отношении того, что такое психиатрия и какой она должна быть: речь идет о *знании*, укорененном в медицине, но таком, которое патофизиологическое знание не в состоянии полностью охватить¹⁹.

В Италии также обсуждается закон 1904 года, регулирующий порядок помещения душевнобольных в психиатрические учреждения, поскольку его всё чаще считают устаревшим — как и исключительную роль психиатрической больницы. С начала 1960-х годов Базалья обеспокоен сегрегационными эффектами и самим характером заточения²⁰ (*enfement*), присущим больнице, которой он руководит. С самого приезда его поразили суровые условия жизни в учреждении и тяжелое психическое состояние многих пациентов²¹ (*pensionnaires*). Он приступил к поиску решений, а также обсуждению и продвижению некоторых терапевтических направлений и практик, обсуждаемых не только в Италии, но и в кругах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), а также среди британских и французских психиатров. Его выступление на Международном конгрессе по социальной психиатрии в Лондоне в 1964 году можно считать моментом, когда он впервые открыто критически высказался по вопросу психиатрической институции и ее воздействия на пациентов. Базалья считал необходимым срочно и радикально изменить способы организации помощи больным и внедрить новые методы. Он интересовался опытом создания альтернатив традиционной больничной системе, таким как институциональная психотерапия, инициированная во Франции членами группы

¹⁹ Ey H. La psychiatrie, une grande spécialité médicale // La Presse médicale. — 1968. — Vol. 49 (suppl.). — P. 740. Постоянный тезис у Анри Эя, который встречается в его многочисленных других трудах.

²⁰ В итальянском контексте аналогом французского *asile* было *manicomio* — так назывались психиатрические лечебницы, где, как и во французских учреждениях старого типа, преобладали изоляция и дисциплинарный контроль над пациентами, а не терапевтическое лечение. — *Прим. пер.*

²¹ В психиатрическом контексте «*pensionnaires*» обозначает пациентов, которые проживают или находятся на длительном стационарном лечении в учреждении, то есть это по сути постоянные жильцы больницы или интерната. В то время как более широкое понятие «*patients*» — пациенты, проходящие лечение как в стационаре, так и амбулаторно. — *Прим. пер.*

«*L'Information psychiatrique*» («*Психиатрическая информация*»), в которую входил Анри Эй, хотя его роль в этом отношении была менее значительной, чем роль Жоржа Домезона²² (1912–1979). Базалья органично вписывался в направление, начатое Максвеллом Джонсом²³ с его идеей «терапевтического сообщества», которую тот реализовал несколькими годами ранее и которая затем распространилась среди других коллег²⁴. Первоначальной целью Базалья было создание в Гориции жизни в духе общины, что должно было разрушить логику больницы с ее иерархиями, системами распределения, сегрегации и наказаний, которые воспринимались как естественный порядок вещей и тем самым значительно ослабляли то, что должно было оставаться в центре, — собственно терапевтическое действие. Базалья не единственный, кто отстаивает идею поиска альтернатив больнице, хотя его высказывания временами и отличаются большей страстью. В Италии с момента создания правительства левоцентристской коалиции (*gouvernement de centre gauche*)²⁵ действительно ощущается легкий дух реформизма, о чем свидетельствуют изменения в системе образования и здравоохранения. Социалист Луиджи Мариотти²⁶ (1912–2004), занимающий

²² Жорж Домезон — французский психиатр и один из основателей институциональной психотерапии. С 1938 года руководил больницей Флери-ле-Обре (*Fleury-les-Aubrais*), где и зародилось движение институциональной психотерапии. Позднее руководил больницами Святой Анны и Анри-Русселя в Париже, где создал Центр психиатрической ориентации и приема (СРОА), ныне носящий его имя. Совместно с Филиппом Кехленом ввел термин «*институциональная психотерапия*», впервые употребленный в их статье «Французская институциональная психотерапия» (*Annales Portugaises de Psychiatrie*, 1952). — *Прим. пер.*

²³ Максвелл Джонс — британский психиатр, один из основателей движения *терапевтических сообществ* (*therapeutic communities*). В 1940–1950 годах в клинике Милл-Хилл и в больнице Хендерсон (Henderson Hospital) он разработал модель коллективного участия пациентов и персонала в терапевтическом процессе, основанную на равноправном обсуждении, ответственности и открытом общении. В этом же идейном направлении работал Р. Д. Лэнг — другой представитель британского антипсихиатрического движения. — *Прим. пер.*

²⁴ Относительно важности терапевтического сообщества среди реформаторов и сторонников альтернативной психиатрии см.: Fussinger C. *Therapeutic Community, Psychiatry's Reformers and Antipsychiatrists // History of Psychiatry*. — 2011. — Vol. 22, No. 2. — Pp. 146–163.

²⁵ «Правительство левого центра» или на итальянском *centro-sinistra organico*. Так назывался программный правительственный альянс, сформированный в 1960-х годах между Христианско-демократической партией и Итальянской социалистической партией. В 1963 году премьер-министр Альдо Моро сформировал первое левоцентристское правительство при активном участии социалистов, что позволило продвигать реформы. — *Прим. пер.*

²⁶ В 1968 году Луиджи Мариотти инициировал так называемый закон Мариотти (*legge Mariotti*, закон от 12 февраля 1968 года, № 132), который содержал положения о больничных учреждениях и медицинской помощи. Благодаря этому закону больничный сектор был радикально реформирован: больницы были преобразованы в государственные учреждения и отделены от благотворительных организаций типа *IPAB (Istituti Pubblici di Assistenza e Beneficenza)*, содержавшихся за счет пожертвований, выполнявших функции приютов и не имевших государственного статуса. — *Прим. пер.*

пост министра здравоохранения, поддерживает реформы и при случае выступает с резкой критикой состояния психиатрической помощи, называя его постыдным²⁷. Кроме того, смена руководства в представительных структурах итальянской психиатрии (АМОРИ²⁸), по-видимому, обещает распространение реформаторских настроений и способствует укреплению позиций Базалья и некоторых его соратников, столь же активно действующих в своих больницах. Итальянское правительство, в свою очередь, начинает серию реформ, касающихся медицинского образования, организации территориальной системы здравоохранения, и, подобно ВОЗ, продвигает еще не вполне определенное понятие «психического здоровья». Весной 1968 года итальянский парламент принимает закон о психиатрической помощи, который заменяет акт 1904 года, и тем самым отказывается от документа, в котором слабо различались психическое заболевание и опасность для общества, а также не предусматривалась возможность добровольной госпитализации в психиатрическую больницу²⁹. Другими словами, перестают автоматически оправдывать ограничения, связанные с принудительными мерами содержания больных, отдавая предпочтение госпитализации, рассматриваемой как первый этап лечебного процесса. Новый закон закрепляет принцип равномерного территориального распределения помощи и необходимость развития внебольничных структур, таким образом следуя духу времени в данной области. Новый итальянский закон, который, по оценке, например, психиатра Эдоардо Бальдудци³⁰, черпает вдохновение из французской модели «сектора», тем не менее не ослабляет критический ход мыслей, которого, по-видимому, неуклонно придерживается Базалья. Продолжая политику реформ своей больницы, он расширяет масштаб критики и ставит перед собой всё более амбициозные цели. Оказавшись, как он сам полагает, в крайне жестких условиях, он, в свою очередь, занимает довольно резкую позицию. Выступление на конференции в 1967 году хорошо иллюстрирует эту тенденцию. «Кризис институции или кризис психиатрии» — так называется доклад Базалья, опубликованный в журнале *«Annali di neurologia*

²⁷ Giannelli G., Rapino V. Libro bianco sulla riforma ospedaliera. — Rome: Imprimerie de l'administration régionale, 1965. — P. 178. Тон его выступлений сильно отличается от тона его французского коллеги Раймона Марселлена (1914–2004).

²⁸ АМОРИ — Ассоциации врачей итальянских психиатрических больниц. — *Прим. пер.*

²⁹ Закон № 431 от 18 марта 1968 года.

³⁰ Balduzzi E., Balduzzi C. Introduction au problème // L'Information psychiatrique. — 1981. — Vol. 57, No. 5. — Pp. 569–580.

e psichiatria) («Сборник неврологии и психиатрии»), постоянным автором которого он является³¹. В значительной мере этот текст резюмирует те идеи, которые Базалья впоследствии уточнит, объяснит и будет развивать. Постановка вопроса об институции всё чаще сопровождается для него пересмотром самого психиатрического знания. Ему становится всё труднее ограничиваться критикой способов организации помощи, не задаваясь вопросом, не являются ли они в чем-то глубоко порочными именно из-за образа мыслей психиатров и их концептуальных установок. Психиатрическое знание главным образом использовалось для навешивания ярлыков на больных, оправдания их заточения и в конечном счете для осуществления насилия над их духом и телом. До тех пор, пока внимание дискуссий и исследований не будет обращено к этой стороне психиатрической практики, пока психиатры не отрешатся от нее, никакая реформа психиатрической больницы не сможет приобрести по-настоящему широкий размах. Социальная исключенность не является случайностью в истории психиатрии, напротив, она играет в ней едва ли не главную роль. Именно поэтому Базалья предпочитает говорить о кризисе психиатрии, а не о кризисе институции, поскольку ясно, что первое с неизбежностью подразумевает второе. С этой точки зрения вопрос «*Что такое психиатрия?*» («*Qu'est-ce que la psychiatrie?*»), который дает название коллективному труду, опубликованному в 1967 году, не должен вводить нас в заблуждение. Эта книга, вопреки тому, что можно было бы предположить, не является учебником для студентов и начинающих психиатров. Речь идет скорее о том, чтобы раскрыть природу психиатрии и подлинный характер практик с момента ее создания как инструмента заточения (*dispositif d'enfermement*). Базалья не остановился на полпути: через несколько месяцев была опубликована еще одна работа под названием «*L'institution en négation*»³² («*Отрицающая институцию*»). За ее громким, выразительным заголовком, как и в предыдущем случае, стоит коллективный труд. Обе работы не ставят целью продемонстрировать теоретические позиции конкретного психиатра ради его собственной славы, а призваны засвидетельствовать его понимание положения душевнобольного. Эти труды являются результатом работы команды, собравшейся вокруг Базалья, в которой сомнения, споры и размышления не скрываются, а, напротив, сознательно выносятся на первый план. «*L'institution en négation*» в еще большей степени, чем

³¹ Basaglia F. *Qu'est-ce que la psychiatrie?* (1967). — Paris: PUF, 1977.

³² На языке оригинала название книги — «*L'istituzione negata*». — *Прим. пер.*

первая книга, стремится отразить события, происходящие в Гориции, но, возможно, еще в большей — засвидетельствовать тот путь, который еще предстоит пройти. Ни в одной из этих книг не ставится задача констатировать смерть психиатрии: речь идет о построении новой практики, о попытке своего рода *Risorgimento*³³ психиатрии, которая, строго говоря, никогда по-настоящему так и не появилась в Италии.

В ответ на май

Книга имела успех, и, вовсе не умаляя заслуг ее авторов, можно предположить, что их высказывание прозвучало в исключительно подходящий момент³⁴. Хотим мы того или нет, эта книга стала символом новой атмосферы, сложившейся в Италии начиная с осени 1967 года. В последующие годы эти идеи активно распространялись, а саму книгу неоднократно переиздавали. В 1969 году Базалья участвует в подготовке сборника *«Mourir de classe. La condition asilaire»* («Умирать от класса. Положение в лечебнице»), центральной темой которого стал феномен социальной исключенности больного из общества. В 1970 году книга *«L'institution en négation»* вышла во Франции в издательстве Seuil (в серии «Combats»). В 1971 году он публикует *«La majorité déviante. L'idéologie du contrôle social»* («Девиянтное большинство. Идеология социального контроля»), которая в том же году переводится на французский язык. В этих книгах отчетливо показана дисфункциональность психиатрической больницы — более того, они оказываются чрезвычайно обличительными и в отношении психиатрического знания. Первый раздел *«L'institution en négation»*, озаглавленный «Институты насилия», дает предварительное представление о той позиции, которую Базалья занимает по отношению к своей собственной профессии. Окончательный разрыв с классической психиатрией произошел в 1973 году, когда была создана ассоциация *«Psychiatrie démocratique»* («Демократическая психиатрия»), к которой примкнули его коллеги из Гориции — участники первых проектов — и впоследствии многие другие специалисты.

Критика психиатрии, переходящая в критику социальных структур, а также обращение к понятиям девиантности и маргинальности

³³ *«Risorgimento»* — метафора «возрождения» психиатрии, способной обновиться и стать самостоятельной дисциплиной; исторический термин, означающий дипломатические усилия по объединению итальянских земель с конца XVIII до второй половины XIX века. — *Прим. пер.*

³⁴ Colucci M., Vittorio D. Franco Basaglia. — Milan: Mondadori, 2001 (French trans.: Paris: Èrès, 2005). — P. 207.

для описания процессов сегрегации, соучастниками которых оказываются психиатры, основывается, в частности, на трудах социолога Эрвинга Гофмана³⁵, а также книги Мишеля Фуко «История безумия», однако всегда путем включения их идеи в анализ практик, действующих в области психиатрии.

Рассматривая в первую очередь вопросы, присущие психиатрии, Базалья и его окружение сумели преобразовать их в социальные и политические вопросы. Таким образом, их аудитория не ограничивается теперь только интернами и коллегами-медиками, но и включает целый ряд специалистов, в той или иной степени связанных со сферой здравоохранения, и даже выходит за ее пределы. Никогда прежде тысячи людей не участвовали в публичных дебатах о социальном положении больных или о способах преодоления модели психиатрических больниц. С начала 1970-х годов, обосновавшись в Триесте — снова в приграничном городе, — Базалья примыкает к широкому социальному движению, принимавшему множество форм, и выдвигает на первый план задачу реального преодоления (*dépassement*) психиатрической больницы [как института]. Со временем Триест стал чем-то вроде Мекки альтернативной психиатрии, черпающей вдохновение из сартровского экзистенциализма и левых идей, где утопическое измерение сочетается с конкретными политическими устремлениями.

В конце 1968 года Анри Эй не скрывал своего удовлетворения и приветствовал то, что май принес психиатрии³⁶. При этом он имел в виду не столько протест против власти и иерархий, вспыхнувший несколькими месяцами ранее во Франции, сколько одно конкретное решение правительства, которое он воспринял как своего рода личную победу. Министр национального образования Эдгар Фор (1908–1988) принял решение присвоить психиатрии статус самостоятельной университетской дисциплины, отделенной от неврологии. Время нейрорпсихиатрии миновало, и вот, наконец, пришла пора психиатрии как автономной дисциплины³⁷ — формулировка, которая резонирует с рядом требований того времени. Конец этого «анахронического сплетения»³⁸ открыл путь для перераспределения образовательных

³⁵ Франко Базалья вместе со своей супругой Франкой способствовал распространению идей американского социолога, подготовив перевод и предисловие к его книге «Asiles», вышедшей в туринском издательстве «Einaudi».

³⁶ Castel R. La gestion des risques. De l'antipsychiatrie à l'après-psychanalyse. — Paris: Éditions de Minuit, 1981. — P. 33.

³⁷ Решение утверждено указом от 31.12.1968.

³⁸ Geismann, 1968, p. 113. (Автор не включил в библиографию данный источник. Вероятно,

траекторий и перестройки корпуса знаний, которые должны были сформировать психиатрическую дисциплину. Трудно видеть в этом достижении прямое следствие протестов последних месяцев, поскольку движение за признание психиатрии велось несколько лет и ускорилось лишь в последнее время. Однако сложно помыслить, что такое решение было бы принято, если бы ничего не произошло. Анри Эй связывал с этими событиями долгожданное решение правительства, как и многие его близкие коллеги³⁹. Май 68 во Франции довольно быстро привел к укреплению профессионального статуса психиатров государственных учреждений, к которым принадлежал и Анри Эй, наряду с многими, кто возглавлял работу над «*Livre blanc*» («*Белой книгой*»). В профессиональной прессе радовались не только поддержке психиатрами майского движения, но и тому, что их голос был услышан правительством, предоставившим психиатрии тот интеллектуальный престиж и университетскую видимость, которых добивались Анри Эй и другие психиатры, а также, по их мнению, студенты⁴⁰. В ту эпоху трудно было придумать более выигрышный политический жест, чем откликнуться на требования студентов. Хотя у Анри Эя и были поводы испытывать чувство удовлетворенности, о чем он открыто говорил⁴¹, его также беспокоили определенные явления, предвещающие новую борьбу: «брожение умов», по его выражению, не всегда шло в нужном направлении⁴². В его профессиональном окружении было немало тех, кто находил в этих событиях отражение импульса, который, если бы он оказался не кратковременным, следовало бы считать весьма тревожным. Со своей стороны, Эй не прибегал к психоаналитическим интерпретациям — это было ему не по вкусу, — но он усматривал зарождающиеся причины будущих трудностей как в текстах интеллектуалов, не имеющих прямого отношения к медицине, так и в текстах коллег, слишком подверженных влиянию идей, внешних по отношению к медицинскому знанию. Сосредоточить внимание на безумии как социальном или культурном явлении, по мнению Анри Эя, означало проявлять некомпетентность

подразумевается: Geismann G. Spinoza — Beyond Hobbes and Rousseau // Journal of the History of Ideas — 1991. — Vol. 52, no. 1. — Pp. 35–53. DOI: 10.2307/2709581. — *Прим. редакции*).

³⁹ Brisset C. Les événements de Mai et le livre blanc // L'Évolution psychiatrique. — 1968. — Vol. XXXIII. — P. 549.

⁴⁰ Vermorel H. Éditorial // L'Information psychiatrique. — 1968. — Vol. 44, No. 8. — P. 693.

⁴¹ Ey H. Rapport du secrétaire général // Bulletin d'information de L'Évolution psychiatrique. — 1968. — No. 4. — P. 153.

⁴² Ey H. La psychiatrie, une grande spécialité médicale // La Presse médicale. — 1968. — Vol. 49 (suppl.). — P. 740.

или непонимание того, что такое психическое заболевание⁴³. Именно это он заявлял на коллоквиуме, организованном под эгидой Общества «*L'Évolution psychiatrique*» и посвященном обсуждению книги Мишеля Фуко, вышедшей в 1961 году. Это направление, которое, как ему казалось, набирало силу, получило наименование «идеологическая концепция истории безумия» — выражение, которое было выбрано в качестве названия самого коллоквиума.

В период с 1970 по 1977 год, до самой своей смерти, Анри Эй публиковал в отчетах о своих выступлениях на коллоквиумах собственную интерпретацию антипсихиатрического движения. Он также опубликовал статью в «*L'Encyclopédie médico-chirurgicale*» («*Медико-хирургической энциклопедии*»), ориентированной на специалистов в области здоровья, и в 1976 году выпустил книгу «*Défense et illustration de la psychiatrie*» («*Защита и обоснование психиатрии*») в медицинском издательстве «*Masson*». В поздних текстах он в основном переводит обсуждение в историко-философский регистр и тем самым продолжает свою полемику с Фуко. Эй подчеркивает, что переход к пониманию безумия как болезни стал важным этапом в развитии западного общества. Развитие психиатрического знания происходило на фоне движения за признание человеческой свободы и помогло понять, что безумие является неотъемлемой частью человеческого существования. Психическое заболевание лишает человека его фундаментальной свободы, что возлагает на психиатра задачу очертить эти патологии свободы (*pathologies de la liberté*), поскольку они составляют предмет психиатрии⁴⁴. По его мнению, антипсихиатры — следовательно, и Базалья — отвергают эту идею, что приводит их к оспариванию самой концепции психического заболевания. Однако общество без безумия было бы, по Эю, обществом либо совершенно утопическим, либо тоталитарным. Признание страданий психически больных и улучшение их положения в обществе были целями, которые отстаивал Анри Эй, и вместе с тем в тот период он обращал внимание на идеализацию фигуры безумца, особенно шизофреника, — и категорично это оспаривал. По правде говоря, этот «романтизм», к которому Эй относился с недоверием, нельзя полностью приписывать духу мая, охватившему умы; скорее, майские события придали ему новый вес, тогда как сам Эй критиковал подобную идеализацию еще задолго до 1968 года⁴⁵.

⁴³ Ey H. Introduction // *L'Évolution psychiatrique*. — 1971. — Vol. XXXVI, No. 2. — P. 226. — DOI: 10.1016/B978-2-294-71158-9.50015-1.

⁴⁴ Ey H. Folie et monde moderne // *L'Évolution psychiatrique*. — 1968. — Vol. XXXIII. — P. 310.

⁴⁵ Ey H., Bernard P., Brisset C. *Manuel de psychiatrie*. — Paris: Masson, 1960.

Что касается критики социальных структур, он считал этот путь опасным. Он отвергал идею о том, что психическое заболевание является продуктом социальных условий, так как это снова привело бы к отрицанию трагического измерения, являющегося неотъемлемой частью человеческого существования, и подрыву самой идеи болезни, а значит — и реальности человека, у которого нарушены умственные и психические способности. По мнению Эя, сдвиг границы между нормальным и патологическим вполне возможен, однако желание упразднить это различие под предлогом того, что оценивающий взгляд общества порождает исключенность (*exclusion*), он считал недопустимым. Постоянно подвергать безумие «разоблачению» — значит отказываться от идеи болезни и неоправданно размывать границы между нормальным и патологическим⁴⁶.

После 1968 года

1968 год и волна критики медицинских, в особенности психиатрических, институтов не стали для Анри Эя моментом внезапного открытия и не открыли ему реальность, о которой он прежде не догадывался. Задолго до майских событий совсем другие причины привели его к критическому взгляду на собственную профессию. В случае Базалья — при всех различиях с Анри Эем — этот критический взгляд также сформировался еще до 68-го, когда привычный ландшафт психиатрии начал ощутимо меняться. Как развивались их позиции и каким образом перекликаются их голоса теперь, когда наиболее значимые события, из-за которых задержался выход журнала «*L'Évolution psychiatrique*», остались позади?

Я по-прежнему с недоверием отношусь к утверждению, что после 68-го фигура безумца стала объектом серьезного общественного интереса. Напротив, я считаю, что ассоциативная связь «безумие — маргинальность» или «безумие — исключенность» проявила себя значительно сильнее, чем прежде. В общественном сознании психиатрическая больница превращается в пространство молчания, забвения и всего того, на что предпочитают не смотреть. Однако книги Базалья, помимо изложенных в них идей, как раз нарушают это молчание и забвение. Например, в работе «*L'institution en négation*» (1968) звучат голоса пациентов больницы Гориции. Другими словами, труды

⁴⁶ Ey H. Défense et illustration de la psychiatrie: la réalité de la maladie mentale. — Paris: Masson, 1977. — P. 56.

Базальи создают пространство для того, чтобы «взять речь» (*une prise de parole*). А события 1968 года воплощают «взятие речи», что подтверждается блестящими высказываниями Мишеля де Серто, прознесенными вскоре после этих событий⁴⁷. Кроме того, эти книги выводят на сцену не просто безызвестных людей, а тех, кого заставили молчать или, по крайней мере, тех, кому врачи не хотели предоставлять слово, попросту не считая нужным к ним прислушиваться. В этом смысле Базалья предстает как человек, который возвращает безумным право голоса⁴⁸ — если обратиться к названию книги, опубликованной значительно позже, но закрепившей тот образ, через который Базалья воспринимался современниками. Теплый, прямой и в то же время громогласный и бескомпромиссный, он разоблачал пороки системы и мнимую респектабельность стоящего за ней знания. Своими высказываниями и действиями Базалья поставил судьбу психиатрической больницы в один ряд с судьбой фабрики, где рабочие находятся в условиях эксплуатации и пренебрежения. Тем самым он показал еще один пример отношений господства, существующих в итальянском обществе, в котором на протяжении 1960-х годов нарастала социальная напряженность именно потому, что наиболее маргинализованные слои населения хотели положить конец этим «тяжелым годам»⁴⁹. Кроме того, Базалья не ограничивается тем, что обличает нехватку ресурсов или требует всего лишь гуманизации психиатрических больниц, которые, безусловно, в этом очень нуждались: он ставит под сомнение и собственные знания. Как человек знания и интеллектуал, он обращает критический взгляд на собственную дисциплину и те не слишком интеллектуальные практики, к которым она зачастую прибегает и которыми традиционно злоупотребляли ее представители. Психиатрия как храм социальных норм — вот что раскрывает Базалья, который, наряду с некоторыми молодыми итальянскими социологами⁵⁰, показывает студенческой молодежи и обществу в целом, что нет очевидного, заранее заданного способа формирования психиатрического знания и что далеко не всегда

⁴⁷ Certeau M. *La prise de parole. Pour une nouvelle culture*. — Paris: Desclée de Brouwer, 1968.

⁴⁸ Название, выбранное автором книги, посвященной именно «базальянскому» опыту. Pitrelli N. *Luomo che restituì la parola ai matti*. — Rome: Editori Riuniti, 2004. (In Italian); на итальянском название книги звучит как «*Restituire la parola ai folli*». — *Прим. пер.*

⁴⁹ Выражение заимствовано у социолога Ариса Аккорнеро (Sommier I. *D'une crise sociale à l'autre / M. dans Lazar (dir.) // L'Italie contemporaine de 1945 à nos jours*. — Paris: Fayard, 2009. — P. 56).

⁵⁰ Университетские кафедры социологии, в частности Туринского университета или университета в Тренто, где училась жена Базалья, стали первыми очагами студенческих протестов.

оно формируется благодаря лишь «чистому» исследовательскому интересу. Врач-благотетель, близкий к своим больным, утешающий их, когда не может исцелить, превращается в фигуру куда более тревожную и спорную. Пока рабочие сносили статуи основателей своих предприятий⁵¹, Базалья расшатывал фундамент психиатрии. Еще более примечательно то, что он становится инициатором «невероятных встреч»⁵², объединяя пациентов и врачей, медсестер и их руководителей, профессионалов и экспертов — что в некотором роде напоминает деятельность молодых социологов в его родной Венеции или в Париже.

Судьба Эя после 1968 года складывается иначе. Внешне Эй уже не выглядит тем «неудобным психиатром», каким был раньше: теперь он — устоявшийся врач, близкий к политической власти своего времени, человек связей и конгрессов. Его статьи публикуются в журналах, рассчитанных на профессиональную аудиторию, а книги издаются медицинскими издательствами, в то время как Базалья публикуется в издательствах общего профиля, таких как Einaudi — одно из самых известных издательств Италии с левым уклоном и открывшее свои двери марксизму. Эй обращается к своим коллегам в надежде достучаться до широкой публики, а Базалья, напротив, говорит с публикой в надежде убедить своих коллег. Вместе с тем присутствие рядом с Франко его супруги, Франки Онгаро Базалья, тоже было новшеством, носившим не только формальный характер. Почти впервые в послевоенной истории психиатрии женщина-врач пишет, занимает критическую позицию и заявляет о своем праве на полную свободу слова. Ее роль не сводится к роли почтенной супруги великого психиатра, появляющейся лишь у фуршетных столов на конгрессах, где выступает ее муж. Базалья разрушил традиционный патерналистский уклад психиатрии, где слово главного врача воспринималось как не подлежащее обсуждению. Он поставил на карту свою собственную власть и авторитет, ломая тем самым образ «мандарина», которым он на самом деле никогда не был. Что касается Эя, сам по себе он не воплощал патернализм, однако и не стремился пошатнуть свой статус или социальную роль. Кроме того, его борьба за признание психиатрии в университетских институтах 1970-х годов выглядела совсем иначе: хотя она была законной, ее можно было интерпретировать как выражение

⁵¹ Такое событие происходит, например, на предприятии Marzotto в городке Вальдено в Венеции, соседнем с Горицей регионе и в месте рождения Базалья, родившегося в Венеции (Flores M., de Bernardi A. Il Sessantotto. — Bologna: Il Mulino, 1998. — P. 221).

⁵² Vigna X., Zancarini-Fournel M. Les rencontres improbables dans les «années 68» // Vingtième Siècle. — 2009. — No. 101. — Pp. 163–177. — DOI: 10.3917/ving.101.0163.

корпоративной солидарности или, в еще менее выгодном свете, как попытку реабилитировать дисциплину именно в тот момент, когда она стала объектом особенно острой общественной критики. Участие Анри Эя в переговорах с властями о внедрении новой санитарной карты страны⁵³ (*carte sanitaire*) лишь усиливало образ великого врача, регулярно посещающего кабинеты Министерства здравоохранения.

Различия в траекториях и в восприятии событий, связанных с Маем 68, нельзя сводить только к вопросам формы, самовыражения или возраста — хотя поколенческий фактор, безусловно, мог сыграть свою роль. Речь идет также о более общем, фундаментальном вопросе. Эй интересовался прежде всего безумием и практически не спрашивал себя, почему существуют психически больные, поскольку с его точки зрения ответ был очевиден: безумие естественно для человека (*la folie est naturelle à l'homme*). В 1970-е годы положение так называемых маргинальных групп — психически больных, людей с инвалидностью и других — всё чаще становилось поводом для протестов и широкой социальной мобилизации. Именно это выходит на первый план в работе Базалья. Его интересует, какой ущерб человеку, признанному психически больным, наносит сама больничная жизнь и социальные условия, в которых он оказывается. Интеллектуальный вклад Эя огромен, однако в 1970-х годах его высказывания не дают прямого ответа на вопрос, почему пациенты годами влчат жалкое существование в больницах, почему женщины признаются «более безумными», чем мужчины, или почему малоимущие больные неизменно оказываются в худшем положении, чем все остальные. Базалья же, со своей стороны, ставит болезнь в скобки (*met entre parenthèses*), отдавая предпочтение критическому осмыслению процессов маркировки и классификации людей, признанных больными. Эта позиция оказывается более понятной для широкой непрофессиональной аудитории. Базалья обнажил реальность именно в тот момент, когда движение, инициированное событиями 68-го, выступало против целого ряда злоупотреблений, несправедливостей, неравенств и консерватизма. Наконец, в перспективе уже упомянутого «взятия речи» Базалья способствовал утверждению ключевой идеи о возможности самоосвобождения —

⁵³ «*Carte sanitaire*» — это официальная государственная карта/схема распределения медицинских учреждений и ресурсов (госпитали, клиники, психиатрические заведения, койки, службы здоровья и т. п.) по территории, согласно демографическим и эпидемиологическим нуждам. Эта схема была установлена законом 31 декабря 1970 года. Наряду с введением «секторов», о которых шла речь выше, она стала инструментом перехода от старых психиатрических лечебниц к более децентрализованным и интегрированным формам оказания помощи. — *Прим. пер.*

а ведь это одна из основополагающих идей, рожденных маем 68-го: люди осознают, что могут освободить себя сами, раз они присваивают себе право разоблачать практики сегрегации и дискриминации как в обществе, так и в своих профессиональных областях. Ключ к «ярмарке желаний⁵⁴» вряд ли можно найти, следуя за Анри Эм, тогда как движение, сформировавшееся вокруг Базалья в 1970-х годах, напротив, открывает куда более обнадеживающую перспективу. Известно, что требование свободы входило в число этих желаний. Тема свободы является центральной в психиатрии, поскольку это, в конце концов, медицинская специальность, которая имеет право ограничивать свободу человека, что придает ей особый статус и *a priori* плохо согласуется с тем нетерпением и ожиданиями, которые были характерны для молодежи той эпохи.

В то время как в Триесте провозглашали, что *свобода терапевтична*, Анри Эй напоминал, что только свободный человек может быть безумным. Критика психиатрической власти и заточения не оставляла Эя равнодушным. И он, и Базалья помещали вопрос свободы в центр своих высказываний. Однако для того, кто пережил травмирующий опыт массового голода в психиатрических больницах в годы войны, обвинения в адрес психиатрических больниц 1970-х годов представляются сильно преувеличенными; кроме того, он и сам достаточно часто критиковал «бедственное положение психиатрии», чувствуя себя вправе высказываться на эту тему. Наконец, в ответ на обвинения в злоупотреблениях и насилии в психиатрии Анри Эй не уклонялся от обсуждения, как некоторые его коллеги. Но он не позволял другим навязывать себе выбор и цели этой борьбы, которую считал вполне оправданной. Он не отрицал существование институционального насилия и подчеркивал, что оно затрагивает и врача, и больного. Что же касается злоупотреблений в психиатрии, то он считал более насущным разоблачить их в Советском Союзе, нежели сосредоточиться исключительно на ситуации во французских или итальянских психиатрических больницах.

Начиная с 1968 года

Когда заканчивается многогранное влияние духа, связанного с французским и итальянским 68-м? Здесь историк⁵⁵ упирается в границы

⁵⁴ Winock M. La fièvre hexagonale (1986). — Paris: Éditions du Seuil, 2001. — P. 323.

⁵⁵ Marino G. C. Biografia del Sessantotto. — Milan: Bompiani, 2008. — P. 351.

собственной дисциплины: какой методологический и понятийный инструментарий позволит ему предложить хотя бы предварительный набросок ответа? Взять дистанцию, выбрать собственную периодизацию, использовать сравнительный метод — вот некоторые из стратегий, к которым обращается недавняя историография⁵⁶. Известно, что часть исследователей утверждала, будто итальянский май завершился в 1980 году, поскольку к нему относили и политическое насилие, которым были отмечены 1970-е и 1980-е годы. С этой точки зрения «итальянский май» можно рассматривать как событие, которое сильнее и дольше, чем французский май, воздействовало на итальянскую действительность⁵⁷. Другие же, наоборот, считают, что французский май мало что оставил после себя, как уже в конце 60-х утверждали некоторые из его непосредственных участников и свидетелей⁵⁸. Эти разногласия отражают то, что события 68-го привели к достаточно быстрым последствиям, но были и другие — более тихие, менее заметные и, возможно, более глубокие, которые значительно труднее уловить. Оба наших главных героя не считают 1968 год исключительным поворотным моментом «во всем». Базалья всё больше связывает свою профессиональную деятельность с социальным и демократическим пробуждением, начавшимся в Италии еще в начале 1960-х, и многие из его коллег и ближайших соратников видят свою борьбу частью более широкого социального протеста, постепенно нараставшего в том же десятилетии и достигшего пика в «горячую осень» 1969 года⁵⁹. Некоторые даже говорят о сопротивлении, возникшем в ответ на авторитарные поползновения конца 1950-х⁶⁰. Что касается Анри Эя, его решение еще в 1969 году попытаться вступить в диалог с Мишелем Фуко является очевидным признаком того, что для него оспаривание психиатрического знания восходит к 1961 году — дате публикации

⁵⁶ См. некоторые направления данной историографии, которые, не будучи противоположными, тем не менее иногда различаются: *Mai 68, une aventure collective* / P. Artières, M. Zancarini-Fournel (dir.). — Paris: La Découverte, 2008; Flores M., de Bernardi A. *Il Sessantotto*. — Bologna: Il Mulino, 1998.

⁵⁷ Sommier I. *La violence politique en deuil: l'après 68 en France et en Italie*. — Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 1998. (In French); Crainz G. *Du «Mai rampant» aux «années de plomb»*, le cas italien // *Les années 68. Un monde en mouvement* / BDIC. — Paris: Syllepse, 2008.

⁵⁸ Делёз Ж. *Мая 68-го не было*. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 96 с.

⁵⁹ Sommier I. *D'une crise sociale à l'autre* / M. dans Lazar (dir.) // *L'Italie contemporaine de 1945 à nos jours*. — Paris: Fayard, 2009. — Pp. 59–63.

⁶⁰ Tommasini M. *Préface* // Basaglia F. *Qu'est-ce que la psychiatrie?* — Paris: Presses Universitaires de France, 1977. — P. 9.

этой новаторской книги. И Эй, и Базалья — каждый по своим причинам — предпочли обратиться к длительной временной перспективе, а не ограничиваться строгим изложением событий. Вот почему следует учитывать период после 1968 года, поскольку и там их позиции вряд ли покажутся двусмысленными. Как именно Эй и Базалья поставили — или не поставили — точку в этом периоде критического переосмысления, вызовов и пересмотра норм?

Смерть двух главных действующих лиц — одного в 1977 году, другого в 1980 году — можно привести в качестве ответа на наш вопрос, но очевидно, что такой ответ был бы лишь изящным уходом от вопроса. Несколько фактов позволяют утверждать, что для Базалья работа, начатая в конце 1960-х, так и не стала «закрытой главой», поскольку в 1970-х он планировал преодоление (*le dépassement*) и постепенное упразднение психиатрической больницы как института. Вместе с тем его публикации свидетельствуют об устойчивой включенности в критику проблемных аспектов медицинского знания о поведении человека и в деконструкцию такого знания, экспериментальный и натуралистический характер которого слишком часто оказывается деревом, скрывающим лес. Анри Эй, в свою очередь, публикует тексты, появление которых вряд ли было бы возможным без возникновения ключевых фигур протестного движения в психиатрии и тем более без превращения психиатров в антипсихиатров. Его тексты об антипсихиатрии и книга в защиту психиатрии являются ответом коллегам, увлеченным авантюрой «конкретной утопии», а также попыткой положить конец тому, что провозглашалось и обсуждалось на собраниях, которые множились повсюду в среде французских и итальянских психиатров. При этом его работа отнюдь не сводится к реакции на французский и итальянский Май. Его объемный труд о галлюцинациях и семинар по шизофрении опираются на гораздо более ранние исследовательские интересы, и сделанные им замечания едва ли содержат что-либо от духа критики или хотя бы вопросы о смысле психиатрической практики. С этой точки зрения, дух мая — не более чем эпизод в серьезной и спокойной деятельности психиатра, внимательно относящегося к человеческой драме безумия. Он продолжал свою работу, достигал целей, сформулированных задолго до событий 68-го, и настаивал на том, что безрассудство эпизодических провокаций и критических выступлений не должно нарушать трудоемкую работу психиатра. Анри Эй продолжал играть роль арбитра, даже объединяющего звена: по приглашению министра здравоохранения Роберта Булена (1920–1979) он возглавил Комиссию по

психическим заболеваниям и впоследствии оставался близок к Симоне Вейль, которая стала министром здравоохранения в 1974 году. Таким образом, он внимательно следит за постепенным внедрением «сектора» как общей организационной модели французской государственной психиатрии — модели, которую ее сторонники считают взвешенным и продуманным компромиссом между моделью лечебницы, унаследованной от прежних времен, и авантюрой протестного движения в психиатрии, воплощенной различными французскими психиатрами, а также Базалья и его единомышленниками. Для самого Базалья это был не просто эпизод в его деятельности: в 1970-е годы настало время претворять утопию в жизнь. Его поддерживал широкий круг коллег, о чем свидетельствует развитие движения «*Psichiatria democratica*» — коллектива, который твердо намерен практиковать психиатрию иначе и порвать со «старым». Невозможно было завершить начатое: никто к этому не стремился, напротив, важно было опираться на то, что уже было сказано, объяснено, засвидетельствовано. В лучшем случае происходит переход от периода всеобщей критики и дискуссий к этапу разработки конкретных преобразований. Разница между Базальей и Эем заключается также и в том, что один из них больше не занимается управлением больницей, тогда как другой по-прежнему ею руководит. Следовательно, Базалья тем более не мог отойти от начатого. Кроме того, хотя события мая 68-го напрямую не затрагивали Анри Эя, он был небезразличен к ним, поскольку отвечал некоторым из косвенных участников этих событий. Что касается Базалья, он не столько сформировал свои идеи не под влиянием духа мая, сколько обрел в них поддержку и убежденность в необходимости продолжать и развивать начатое. Если Эй порой резко реагировал на содержание и форму их высказываний, подчас доходивших до крика, то Базалья извлек из этих событий мысль о том, что борьба ведется за пределами собственно заявленных требований. Эти события свидетельствуют о том, что люди могут сопротивляться и в определенной мере воплощать в жизнь социальные конфликты, которые приводят к победам и политическим изменениям. Во время поездки в Бразилию в части своих публичных лекций он стремился показать, что изменение профессиональных подходов должно подпитываться растущей демократизацией в этой стране и что оно может также быть обусловлено стремлением преобразовать действующие политические нормы, поскольку он видел в Бразилии конца 1970-х годов Италию конца 1960-х, то есть социальный мир, находящийся

на пороге глубокой трансформации⁶¹. 1968 год для него — это пример «марша Истории», в котором Базалья намеревался принять участие, в то время как Анри Эй проявлял значительно меньший энтузиазм, полагая, что подобное движение Истории не может обойтись без трагедий. Коллективные действия, столь характерные для 1960-х и последующих годов, не входят в сферу юрисдикции Анри Эя, который предпочитает размышление и интеллектуальный обмен на семинарах и конгрессах. Однако Эй не был простым наблюдателем, и его борьба за защиту людей, заключенных в тюрьму по решению советских коллег, которая велась на международном уровне, свидетельствует о том, что он знал: политика и психиатрия могут быть тесно связаны. Прежде всего он видел в этом отклонение, обезображивание психиатрического жеста, который он слишком высоко ценил, чтобы, подобно Базалья, рисковать политизацией психиатрии. Придерживаясь давно сложившейся принципиальной позиции, он отказывался «психиатризировать» политику, так же как другие пытались «психиатризировать» социальное, не всегда осознавая пагубные последствия таких попыток. И тот и другой были активистами, но придавали этому слову разное значение, причем Базалья употреблял его значительно чаще, чем Анри Эй.

Нет оснований утверждать, что они, подобно некоторым своим современникам, прожившим дольше, не пересмотрели бы свои позиции. Взгляды современных психиатров на этот период не обязательно отличаются от более общего восприятия 1970-х годов, характерного для наиболее выдающихся деятелей нашей политической и интеллектуальной жизни. Комментарии к этому шумному, неожиданному и во многом беспрецедентному для психиатрии эпизоду трансформируются и переосмысливаются по мере того, как мы отдаляемся от событий конца 1960-х годов. Наследие дел и достижений Франко Базалья, *по-прежнему оцутимое*, делает исторический анализ более сложным, поскольку дистанция здесь не так выражена, как в случае Анри Эя, который, несмотря на свой интеллектуальный и моральный авторитет, оставил после себя не школу, а скорее круг психиатров, влюбленных в его язык, дух и нравственную позицию. Независимо от этого влияния, со временем память о его личности и высказываниях тускнеет, и Анри Эй становится для современных психиатров в лучшем случае фигурой, на которую ссылаются. Как мы помним,

⁶¹ Basaglia F. *Psychiatrie et démocratie. Lettres brésiliennes*. — Ramonville-Saint-Agne: Èrès, 2007. — P. 43.

великим завоеванием, достигнутым в 1968 году, по Анри Эю, было полное и окончательное признание психиатрии как дисциплины. Если приверженность психиатров этому признанию по-прежнему остается существенным элементом их коллективной идентичности, то некоторые с тех пор публично задавались вопросом, не принесло ли это различие и своих неудобств — недоразумений — и не способствовало ли оно, по крайней мере косвенно, движению за демедиализацию безумия⁶². Это довод, который Анри Эй категорически отверг бы, но который отражает определенный парадокс современных откликов, поскольку именно в этом — и в гораздо более прямой форме — упрекали Базалья и его коллег. Их действительно — и притом с самого начала — резко обвиняли в стремлении демедиализировать безумие до такой степени, что это якобы приводит к отрицанию реальности психического заболевания. В Италии (и даже в большей степени, чем во Франции) наследие мая накладывается на комментарии и реакции, вызванные антипсихиатрическим движением. Оценки участников тех событий часто были полярными, и на самом деле некоторые продолжают считать этот период постыдным эпизодом истории, тогда как другие — славным; кроме того, случалось, что те, кто поначалу воспринимал его как славный, впоследствии начинали считать его постыдным⁶³. Автономия, «взятие речи», иерархия медицинско-психиатрической организации продолжают вызывать вопросы и приниматься во внимание на протяжении последующих десятилетий как во Франции, так и в Италии — хотя и разными путями. С этой точки зрения наблюдается своеобразное «заражение» антиавторитарной лексикой, которая действительно распространилась в профессиональных кругах, связанных с психиатрическим вмешательством, — не для того, чтобы безоговорочно принять ее, но, по меньшей мере, чтобы сделать ее предметом обсуждения. Ибо вопрос «решительного возвращения к разуму» также в течение нескольких лет поднимался участниками дискуссий, как во французском, так и в итальянском контекстах⁶⁴, — это дает основания предполагать, что

⁶² Guyotat J. *Psychiatrie lyonnaise. Fragments d'une histoire vécue.* — Paris: Les Empêcheurs de penser en rond, 2000. — Pp. 89–90.

⁶³ Например, это случай психиатра Джованни Джервиса (1933–2009).

⁶⁴ Gillet M. *Retour à la raison // Vie sociale et traitements.* — 2001. — No. 71. — Pp. 52–57; Corbelloni G., Jervis G. *La ragione negata. Psichiatria e antipsichiatria in Italia.* — Turin: Bollati Boringhieri, 2008. Эти два текста не во всем идентичны. Помимо того, что французский текст представляет собой статью, итальянские авторы предлагают истинное переосмысление «базальяновской» авантюры, в которой один из них участвовал в свое время. Текст французского психиатра играет на определенной двусмысленности, используя выражение

долгий май 68-го мог быть эпизодом, чьи порывы вызывали тревогу, и, возможно, свидетельством высвобождения бреда.

Базалья сделал выбор в пользу деконструкции психиатрии в том виде, в каком она существовала, — в пользу знания, включающего в себя гуманитарные науки, — с целью подчеркнуть социальные и политические последствия психиатрической практики и спорный характер знания, на котором она основывалась. Этот подход вошел в резонанс с критическим пересмотром норм и жадной «взять речь», характерными для конца 1960-х годов, — рискуя при этом чрезмерно их усилить. Анри Эй, со своей стороны, после 1968 года вновь утверждает медицинскую мораль, *a priori* более классическую, но не менее важную, и как никогда настойчиво отстаивает принадлежность психиатрии к наукам о жизни, одновременно утверждая идею специфики своей дисциплины, которая была окончательно признана в 1968 году. Базалья в большей степени, чем Эй, был готов принять мысль, что речь психиатрии не должна быть исключительно речью психиатров, и способствовал тому, чтобы были услышаны те, кого прежде никогда не слушали⁶⁵. Ожидания, нетерпение и надежды 68-го частично совпали с темами работ Базалья, так же как и с идеями Эя — например, с темой свободы. Каждый из них воспринял эти импульсы в соответствии с внутренней логикой собственного проекта, намечая тем самым наследие 68-го скорее как извилистую траекторию, нежели как неизбежный поворот, диктуемый абсолютным детерминизмом.

Библиография

1. L'Altro sessantotto // Ventunesimo secolo. — 2010. — No. 22. — P. 5–176.

2. Mai 68, une aventure collective / sous la dir. de Ph. Artières et M. Zancarini-Fournel. — Paris: Éditions La Découverte, 2008. — 486 p. — ISBN 978-2348036340.

3. Balduzzi E., Balduzzi C. Introduction au problème // L'Information psychiatrique. — 1981. — Vol. 57, No. 5. — Pp. 569–580.

4. Basaglia F. Qu'est-ce que la psychiatrie? (1967). — Paris: Presses

«возвращение к рассудку»: он стремится одновременно обозначить долю мечты и утопии в описываемых годах и необходимость возвращения к реальности более обыденной медицинской практики, при этом не отвергая и не предавая забвению всего того, что было сделано или высказано.

⁶⁵ de Certeau M. La prise de parole. Pour une nouvelle culture. — Paris: Desclée de Brouwer, 1968. — P. 27. (In French)

- Universitaires de France, 1977. — 238 p. — ISBN 978-2130350613.
5. Basaglia F. L'institution en négation (1968). — Paris: Éditions du Seuil, 1970. — 266 p. — ISBN 978-2918682189.
 6. Basaglia F. Psychiatrie et démocratie. Lettres brésiliennes. — Ramonville-Saint-Agne: Éditions Érès, 2007. — 286 p. — ISBN 978-2749208107.
 7. Brisset C. Les événements de Mai et le livre blanc // L'Évolution psychiatrique. — 1968. — Vol. XXXIII. — Pp. 541–550.
 8. Castel R. La gestion des risques. De l'antipsychiatrie à l'après-psychoanalyse. — Paris: Éditions de Minuit, 1981. — 308 p. — ISBN 978-2707321527.
 9. de Certeau M. La prise de parole. Pour une nouvelle culture. — Paris: Desclée de Brouwer, 1968. — 320 p.
 10. Colucci M., Di Vittorio P. Franco Basaglia. — Milan: Arnoldo Mondadori Editore, 2001. — 224 p. — ISBN 978-8872233511. — (Traduit en français: Paris: Éditions Érès, 2005).
 11. Corbellini G., Jervis G. La ragione negata. Psichiatria e antipsichiatria in Italia. — Turin: Bollati Boringhieri Editore, 2008. — 160 p. — ISBN 978-8833919126.
 12. Crainz G. Du «Mai rampant» aux «années de plomb», le cas italien // Les années 68. Un monde en mouvement / BDIC. — Paris: Éditions Syllepse, 2008. — Pp. 265–276.
 13. Делез Ж. Мая 68-го не было / пер. с фр. М. Рудаковой. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 96 с. — ISBN 978-5911033125.
 14. Esprit. Théories, concepts et politique, avant et après 1968. — 2008. — No. 344. — Pp. 131–166.
 15. Ey H., Bernard P., Brisset Ch. Manuel de psychiatrie. 3e éd. — Paris: Masson et Cie, 1960. — 1164 p.
 16. Ey H. Notes pour une conférence. — Perpignan: Archives municipales de Perpignan, Fonds Henri Ey, Cote 7S 139.
 17. Ey H., Sivadon P., Bonnafé L. Faut-il «réformer» la loi de 1838 ? // Le Concours médical. — 1967. — Janvier. — Pp. 533–537.
 18. Ey H. La psychiatrie, une grande spécialité médicale // La Presse médicale. — 1968. — Vol. 49 (Suppl.). — Pp. 740–742.
 19. Ey H. Rapport du secrétaire général // Bulletin d'information de L'Évolution psychiatrique. — 1968. — No. 4. — Pp. 153–160.
 20. Ey H. Folie et monde moderne // L'Évolution psychiatrique. — 1968. — Vol. XXXIII. — Pp. 308–323.
 21. Ey H. Introduction // L'Évolution psychiatrique. — 1971. — Vol. XXXVI, No. 2. — Pp. 225–226.
 22. Ey H. Défense et illustration de la psychiatrie: la réalité de la maladie

mentale. — Paris: Masson, 1977. — 204 p. — ISBN 978-2225483561.

23. Flores M., de Bernardi A. Il Sessantotto. — Bologna: Società editrice Il Mulino, 1998. — 526 p. — ISBN 978-8815094001.

24. Fussinger C. Therapeutic Community, Psychiatry's Reformers and Antipsychiatrists: Revisiting the History of Psychiatry and Its Therapeutics // *History of Psychiatry*. — 2011. — Vol. 22, No. 2. — Pp. 146–163.

25. Geissmann P. Statuts du collège régional universitaire de psychiatrie // *Bulletin d'information de L'Évolution psychiatrique*. — No. 3. — Pp. 113–119.

26. Giannelli G., Rapino V. Libro bianco sulla riforma ospedaliera. — Rome: Imprimerie de l'administration régionale, 1965. — 187 p.

27. Gillet M. Retour à la raison // *Vie sociale et traitements*. — 2001. — No. 71. — Pp. 52–57.

28. Guyotat J. A propos de psychiatrie lyonnaise. Fragments d'une histoire vécue. — Paris: Les Empêcheurs de penser en rond, 2000. — 208 p. — ISBN 978-2080709530.

29. Lindenberg D. Une autre préhistoire de Mai 68 // *Esprit*. — 2008. — No. 344. — Pp. 94–100.

30. Loyer É. Mai 68 // *Dictionnaire d'histoire culturelle de la France contemporaine / sous la dir. de Ch. Delporte, J.-Y. Mollier et J.-F. Sirinelli*. — Paris: Presses Universitaires de France, 2010. — Pp. 501–506. — ISBN 978-2130561088.

31. Marino G. C. Biografia del Sessantotto. Utopie, conquiste, sbandamenti. — Milan: Bompiani, 2008. — 520 p. — ISBN 978-8845232589.

32. Pitrelli N. L'uomo che restituì la parola ai matti: Franco Basaglia. — Rome: Editori Riuniti, 2004. — 177 p. — ISBN 978-8835953890.

33. Sommier I. La violence politique en deuil: l'après 68 en France et en Italie. — Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 1998. — 176 p. — ISBN 978-2753539525.

34. Sommier I. D'une crise sociale à l'autre // *L'Italie contemporaine de 1945 à nos jours / sous la dir. de M. Lazar*. — Paris: Fayard, 2009. — Pp. 343–366. — ISBN 978-2213633282.

35. Tranfaglia N. Prefazione // Marino G. C. Biografia del Sessantotto. Utopie, conquiste, sbandamenti. — Milan: Bompiani, 2008. — Pp. V–X. — ISBN 978-8845232589.

36. Vermorel H. Éditorial // *L'Information psychiatrique*. — 1968. — Vol. 44, No. 8. — Pp. 693–694.

37. Vigna X., Zancarini-Fournel M. Les rencontres improbables dans les «années 68» // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. — 2009. — No. 101. —

Pp. 163–177.

38. Tommasini M. Préface // Basaglia F. Qu'est-ce que la psychiatrie? (1973). — Paris: Presses Universitaires de France, 1977. — Pp. 7–12.

39. Winock M. La fièvre hexagonale. Les grandes crises politiques, 1871–1968. — Paris: Éditions du Seuil, 2001. — 474 p. — ISBN 978-2757815380.

Two «Mays of 1968» in Psychiatry

Jean-Christophe Coffin — Member of the Institut d'Histoire du Temps Présent (CNRS); Associate Researcher, Centre Alexandre Koyré (UMR 8560); Senior Lecturer, Department of Educational Sciences, Université Paris 8 Vincennes–Saint-Denis; Paris, France.

E-mail: jean-christophe.coffin@cnrs.fr

ORCID: 0000-0002-5281-4503

Translated from French by Anna Belchikova

Keywords: psychiatry; France; Italy; Franco Basaglia; Henri Ey

This article examines how critiques directed at psychiatry gained renewed momentum in the aftermath of the events of May 1968. Its aim is to assess the extent to which a moment that has become so significant in our collective imagination can be situated within the longer history of the contestation of psychiatry — a chronology that does not coincide with that of purely political events. The article focuses on the positions of two psychiatrists, the Italian Franco Basaglia and the French Henri Ey. Although their professional trajectories and perspectives differed, both engaged with questions of psychiatric power, medicalization, and the social normalization of behavior — topics that were widely debated in the period following the protest movements of the late 1960s.

References

1. L'Altro sessantotto // Ventunesimo secolo. — 2010. — No. 22. — P. 5–176. (In Italian)
2. Mai 68, une aventure collective / sous la dir. de Ph. Artières et M. Zancarini-Fournel. — Paris: Éditions La Découverte, 2008. — 486 p. — ISBN 978-2348036340. (In French)
3. Balduzzi E., Balduzzi C. Introduction au problème // L'Information psychiatrique. — 1981. — Vol. 57, No. 5. — Pp. 569–580. (In French)
4. Basaglia F. Qu'est-ce que la psychiatrie? (1967). — Paris: Presses Universitaires de France, 1977. — 238 p. — ISBN 978-2130350613. (In French)

5. Basaglia F. L'institution en négation (1968). — Paris: Éditions du Seuil, 1970. — 266 p. — ISBN 978-2918682189. (In French)
6. Basaglia F. Psychiatrie et démocratie. Lettres brésiliennes. — Ramonville-Saint-Agne: Éditions Érès, 2007. — 286 p. — ISBN 978-2749208107. (In French)
7. Brisset C. Les événements de Mai et le livre blanc // L'Évolution psychiatrique. — 1968. — Vol. XXXIII. — Pp. 541–550. (In French)
8. Castel R. La gestion des risques. De l'antipsychiatrie à l'après-psychoanalyse. — Paris: Éditions de Minuit, 1981. — 308 p. — ISBN 978-2707321527. (In French)
9. de Certeau M. La prise de parole. Pour une nouvelle culture. — Paris: Desclée de Brouwer, 1968. — 320 p. (In French)
10. Colucci M., Di Vittorio P. Franco Basaglia. — Milan: Arnoldo Mondadori Editore, 2001. — 224 p. — ISBN 978-8872233511. (In Italian)
11. Corbellini G., Jervis G. La ragione negata. Psichiatria e antipsichiatria in Italia. — Turin: Bollati Boringhieri Editore, 2008. — 160 p. — ISBN 978-8833919126. (In Italian)
12. Crainz G. Du «Mai rampant» aux «années de plomb», le cas italien // Les années 68. Un monde en mouvement / BDIC. — Paris: Éditions Syllepse, 2008. — Pp. 265–276. (In French)
13. Delez Zh. Maya 68-go ne bylo / per. s fr. M. Rudakovoi. — Moscow: Ad Marginem Press, 2016. — P. 96 — ISBN 978-5911033125. (In Russian)
14. Esprit. Théories, concepts et politique, avant et après 1968. — 2008. — No. 344. — Pp. 131–166. (In French)
15. Ey H., Bernard P., Brisset Ch. Manuel de psychiatrie. 3e éd. — Paris: Masson et Cie, 1960. — 1164 p. (In French)
16. Ey H. Notes pour une conférence. — Perpignan: Archives municipales de Perpignan, Fonds Henri Ey, Cote 7S 139. (In French)
17. Ey H., Sivadon P., Bonnafé L. Faut-il «réformer» la loi de 1838? // Le Concours médical. — 1967. — Janvier. — Pp. 533–537. (In French)
18. Ey H. La psychiatrie, une grande spécialité médicale // La Presse médicale. — 1968. — Vol. 49 (Suppl.). — Pp. 740–742. (In French)
19. Ey H. Rapport du secrétaire général // Bulletin d'information de L'Évolution psychiatrique. — 1968. — No. 4. — Pp. 153–160. (In French)
20. Ey H. Folie et monde moderne // L'Évolution psychiatrique. — 1968. — Vol. XXXIII. — Pp. 308–323. (In French)
21. Ey H. Introduction // L'Évolution psychiatrique. — 1971. — Vol. XXXVI, No. 2. — Pp. 225–226. (In French)
22. Ey H. Défense et illustration de la psychiatrie: la réalité de la maladie mentale. — Paris: Masson, 1977. — 204 p. — ISBN 978-2225483561. (In French)

French)

23. Flores M., de Bernardi A. *Il Sessantotto*. — Bologna: Società editrice Il Mulino, 1998. — 526 p. — ISBN 978-8815094001. (In Italian)

24. Fussinger C. *Therapeutic Community, Psychiatry's Reformers and Antipsychiatrists: Revisiting the History of Psychiatry and Its Therapeutics* // *History of Psychiatry*. — 2011. — Vol. 22, No. 2. — Pp. 146–163.

25. Geissmann P. *Statuts du collège régional universitaire de psychiatrie* // *Bulletin d'information de L'Évolution psychiatrique*. — No. 3. — Pp. 113–119. (In French)

26. Giannelli G., Rapino V. *Libro bianco sulla riforma ospedaliera*. — Rome: Imprimerie de l'administration régionale, 1965. — 187 p. (In Italian)

27. Gillet M. *Retour à la raison* // *Vie sociale et traitements*. — 2001. — No. 71. — Pp. 52–57. (In French)

28. Guyotat J. *A propos de psychiatrie lyonnaise. Fragments d'une histoire vécue*. — Paris: Les Empêcheurs de penser en rond, 2000. — 208 p. — ISBN 978-2080709530. (In French)

29. Lindenberg D. *Une autre préhistoire de Mai 68* // *Esprit*. — 2008. — No. 344. — Pp. 94–100. (In French)

30. Loyer É. *Mai 68* // *Dictionnaire d'histoire culturelle de la France contemporaine / sous la dir. de Ch. Delporte, J.-Y. Mollier et J.-F. Sirinelli*. — Paris: Presses Universitaires de France, 2010. — Pp. 501–506. — ISBN 978-2130561088. (In French)

31. Marino G. C. *Biografia del Sessantotto. Utopie, conquiste, sbandamenti*. — Milan: Bompiani, 2008. — 520 p. — ISBN 978-8845232589. (In Italian)

32. Pitrelli N. *Luomo che restituì la parola ai matti: Franco Basaglia*. — Rome: Editori Riuniti, 2004. — 177 p. — ISBN 978-8835953890. (In Italian)

33. Sommier I. *La violence politique en deuil: l'après 68 en France et en Italie*. — Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 1998. — 176 p. — ISBN 978-2753539525. (In French)

34. Sommier I. *D'une crise sociale à l'autre* // *L'Italie contemporaine de 1945 à nos jours / sous la dir. de M. Lazar*. — Paris: Fayard, 2009. — Pp. 343–366. — ISBN 978-2213633282. (In French)

35. Tranfaglia N. *Prefazione* // Marino G. C. *Biografia del Sessantotto. Utopie, conquiste, sbandamenti*. — Milan: Bompiani, 2008. — Pp. V–X. — ISBN 978-8845232589. (In Italian)

36. Vermorel H. *Éditorial* // *L'Information psychiatrique*. — 1968. — Vol. 44, No. 8. — Pp. 693–694. (In French)

37. Vigna X., Zancarini-Fournel M. *Les rencontres improbables dans les «années 68»* // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. — 2009. — No. 101. —

Pp. 163–177. (In French)

38. Tommasini M. Préface // Basaglia F. Qu'est-ce que la psychiatrie? (1973). — Paris: Presses Universitaires de France, 1977. — Pp. 7–12. (In French)

39. Winock M. La fièvre hexagonale. Les grandes crises politiques, 1871–1968. — Paris: Éditions du Seuil, 2001. — 474 p. — ISBN 978-2757815380. (In French)